
МИНУС
нестраховой случай
ЮРИЙ БЕЛК

Юрий Белк
Минус

https://litres.ru/74710079
SelfPub; 2026

Аннотация

Поговорите с ней. Она жаждет общения. Ей одиноко. Ей есть что рассказать...

Каждую зиму Аркадию Полозову звонит Зима. Не просто метафора или сквозняк в проводах — настоящая Зима, в светлом пальто, с ледяными ладонями. Она без стука распахивает окна и вежливо предупреждает: может убить. С одеждой или без — это уже детали.

Аркадий возражает, что тепло одевается. Так начинаются переговоры, которые тянутся четыре месяца. Ставка в этой игре — человеческое тепло, а ведет протокол та сторона, которая держит в руках снег. Абсурдный роман о единственном риске, который не застрахуешь ни в одной компании мира.

Содержание

Глава 1. Звонок 4
Глава 2. Хозяйка 10
Глава 3. Договор 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Юрий Белк
Минус

Глава 1. Звонок

Телефон зазвонил в 23:47. Аркадий, страховой агент по несуществующим рискам, узнал это время потом, по журналу вызовов, а в момент звонка не знал ничего, кроме того, что звонить в 23:47 могут только трое: коллекторы, мама и беда. Мама он отключил в прошлом году из экономии, коллекторы обычно стучали в дверь, оставалась беда.

На экране высветилось «Неизвестный». Аркадий посмотрел на номер и не понял его. Там были нули. Не восемь нулей, не десять — все нули, сколько помещалось, и один за ними, как цифра за краем тетрадного листа.

Он взял трубку. Не из храбрости — из профессионального деформирования: тридцать лет в страховании приучили его к тому, что клиент, который звонит поздно, платит больше.

— Слушаю, — сказал он.

— Здравствуйте, — сказал голос.

Голос был женский, низкий, ровный. Не тёплый и не холодный — ровный, как термометр, который врёт в обе стороны. Такой голос бывает у людей, которые никогда не боле-

ют, потому что болеть им некогда.

— Здравствуйте, — ответил Аркадий. — Вы ошиблись номером?

— Я не ошибаюсь номерами, — сказал голос. — Я вообще ничего не делаю с ошибками. Ошибки — это то, что делают люди между двумя зимами, пока я отвернулась. Я звоню по делу. Вы Полозов Аркадий Севастьянович, семьдесят четвёртого года, страховой агент, живёте один, чай пьёте крепкий, окна моете реже, чем думаете окружающие. Верно?

— Последнее — клевета, — сказал Аркадий. — Остальное — недонесение.

— Хорошо, — сказал голос без тени веселья. — Тогда к делу. Я могу вас убить.

Пауза, которую сделал Аркадий, была бы названа паникой, если бы длилась дольше. Но он был профессионалом. За тридцать лет он выслушивал клятвы, угрозы, мольбы и условия, и теперь в его голосе оставалось только деловое спокойствие человека, который уже слышал всё, кроме вот этого.

— Это, безусловно, серьёзное заявление, — сказал он. — Могу я узнать, от чьего имени вы его делаете? Для протокола.

— От имени зимы, — сказал голос. — То есть от моего собственного. Я и есть зима. Зима как должность, как ведомство и как погода одновременно. Хозяйка. Хозяин. Как вам удобнее. Мне без разницы, вам, думаю, тоже.

— Погодите, — сказал Аркадий. — Зима — это сезон.

Астрономический, календарный, в крайнем случае метеорологический. Сезоны не звонят по телефону. Сезоны вообще не пользуются телефоном, у них... — он задумался, — у них нет органов, которыми пользуются.

— У меня есть телефон, — сказал голос терпеливо, как объясняют таблицу умножения не тупому ребёнку, а умному, который упрямится. — И есть голос, вы слышите. И есть возможность убить вас. С остальным разберёмся по ходу дела. Кстати, как вы одеваетесь?

Вопрос был настолько из тех, которые не задают, что Аркадий ответил на него честно:

— Прилично. Пальто кашемировое, шарф шерстяной, ботинки на подошве, шапка — у меня хорошая шапка. Я вообще слежу за одеждой. Признаю, это не главная добродетель, но...

— Я не спрашивала о добродетелях, — сказала Зима. — Я спросила об одежде, потому что вам важно это знать: я могу убить вас с одеждой и без. Как захочу. Технически это без разницы. Кашемир замерзает при том же градусе, что и голое мясо, просто медленнее делает вид, что нет.

— Это угроза, — сказал Аркадий. — Я записываю разговор. Мне нужен протокол.

— Протокол пишу я, — сказала Зима. — Вы его подписываете, когда дрожите. Каждый раз. С четырнадцатого года ежегодно, без вашего ведома, но, как выясняется, с вашего согласия — вы подписали его, когда вышли из дома в фев-

рале не в той обуви. Впрочем, ладно. Суть дела в другом. Я могу усыпить вас снегом на трассе, под трассой, над трассой — и вы останетесь там. С кашемировым пальто, с хорошей шапкой, с ботинками на подошве. Машины будут проезжать мимо, каждую неделю, всю зиму. В феврале про вас забудет ваша мама. В марте — мой снегопад. А в апреле вас найдёт не человек, а весна, и она к чужим костям равнодушна, потому что у неё весенние заботы.

— Понятно, — сказал Аркадий. — А почему я?

— Потому что вы на списке, — сказала Зима. — На списке все. Список длинный. Я его держу при себе, потому что он мокрый.

— Мокрый?

— От прошлого года, — сказала Зима и впервые за разговор дала нотку, которую человек услышал бы как улыбку, если бы человек решился. — От слёз. У меня список мокнет каждый год, и каждый год я его сушу на батарее чужих подъездов. Батарея хорошо сушит. Подъезд хорошо слышит.

— Вы не можете меня убить, — сказал Аркадий, и сказал это так, как говорят люди, которые знают, что могут, но пытаются договориться с реальностью через отрицание её официального заявления.

— Могу, — сказала Зима. — Просто пока не захочу. Пока у меня другое настроение. У меня, между прочим, настроение — это погода. Когда у меня настроение испортилось, это метель. Когда хорошее — это солнце на снегу, ослепи-

тельно, до боли в глазах. Вы живёте на моей погоде, Полозов. Учитесь читать настроение хозяйки. Явление солнца — я довольна. Туман — я думаю. Гололёд — я обиделась на кого-то из соседей по этажу.

— На кого? — спросил Аркадий, хотя понимал, что это вопрос, на который не надо отвечать, но который надо задать, чтобы разговор шёл.

— На ноябрь, — сказала Зима. — Он опять не убрал за собой листья. Он всегда так. Приходит, разбрасывает листья, мочит их, уходит и не звонит. А я прихожу и расхлёбываю. Годы. Десятилетия. Столетия.

— Может, чаю? — сказал Аркадий.

И только потом понял, что сказал это вслух. В телефон. Незнакомому голосу, который обещал его убить.

В трубке была пауза. Длинная. Так долго, как бывает только в разговорах, где второй человек пересчитывает свои версии мира и выбирает новую.

— Чаю? — повторила Зима.

— Чаю, — подтвердил Аркадий. — Крепкого. Я знаю, что пью крепкий чай. Вы только что мне это сказали. Я могу для вас поставить. Вы... вы, вероятно, устали. Вы работаете круглосуточно четыре месяца в году и не получаете благодарности, только ругань за гололёд и за сосульки. Я, между прочим, ругал. Прошу извинить. Я не знал, что ругаю начальство.

Ещё пауза. В ней что-то прозвенело — не громко, как

звон, а тихо, как иней, оседающий на стекло.

— Я приду, — сказала Зима. — Через час. Не открывайте мне заранее — я всё равно приду без стука. Это не значит, что я невоспитанная. Это значит, что стук для меня — фольклор. Я миную его, как вода минует камень: не из наглости, а по закону.

Трубка легла. Точнее — трубку положили с той стороны, но звук был такой, будто трубку сняли с крючка куда-то в бесконечность, где нет стен и нет потолков, а есть только снег.

Аркадий посмотрел на чайник. Чайник смотрел на него.

Он выключил свет в коридоре, чтобы сэкономить. Потом включил обратно, потому что понял: Зима придёт, а темнота в прихожей — это не экономия, это приглашение к худшему.

Глава 2. Хозяйка

Она пришла без стука. Естественно. Он это знал. Но всё равно — когда в коридоре стало холодно на четыре градуса и из прихожей донёсся шелест, похожий на снегопад, который стряхивают с плеча, — сердце Аркадия сделало то, что делают сердца: испугалось.

Она вошла. Высокая. В светлом пальто, которое нигде не продавалось и потому не имело цены. Волосы — цвета, которого нет в палитрах, — пахли снегом. Лицо — гладкое, как замёрзшая вода, и загадочное, как замёрзшая вода. Глаза — не синие и не серые, а «как получится, когда посмотрите».

Первым делом она распахнула окно.

— Вы что... — начал Аркадий.

— Так надо, — сказала Зима и распахнула второе. — Продувайте. Проветривание — это не комфорт, а дисциплина. Вы три года не открывали окна в январе, я знаю. Я всё знаю. Это вредно для организма. Ваш организм рассчитан на минус пятнадцать, а живёт при плюс двадцать четыре и презирает себя за это.

— Я не презираю себя.

— Тогда презирайте, — сказала она. — Это тоже дисциплина.

Она сняла пальто. Пальто было светлое — не белое, потому что белое — это свадьба или больница, а светлое, как

февральское небо после полудня. Под пальто был свитер серого цвета, который в каталогах называется «графит», а на самом деле называется «серп времени на щербатом снегу», но этого в каталогах не пишут.

Ладони у неё были холодные. Это Аркадий узнал через четыре секунды, потому что она взяла его за руку — не чтобы поздороваться, а чтобы проверить пульс, как проверяют термометр у больного.

— Пульс сорок, — сказала Зима. — Не волнуйтесь. У меня все живые ходят с пульсом сорок. Это не патология. Это цена.

— Цена чего? — спросил Аркадий.

— Свидания со мной, — сказала Зима. — Хотите чаю?

Вопрос был на грани абсурда: она спрашивала, хочет ли он чая, в его собственной квартире. Но Аркадий уже понял главное правило этого мира: если хозяйка спрашивает — отвечай «да». Если спрашивает иначе — отвечай «да» другим тоном.

— Хочу, — сказал он.

Она поставила чайник. Нашла заварку в его шкафу, который он не открывал с мая. Поставила две чашки — вторую из тех, что он берег для гостей, которых не было. Села за стол спиной к окну, лицом к нему. Сквозняк тянул по полу, как кот, у которого отняли хозяина.

— Квартира, — сказала Зима, осматриваясь. — Слабая. Дверь без утеплителя. Радиаторы — поставил прошлый вла-

делец, а он не думал о зиме, он думал о том, как скорее продать. Котёл в подвале — старый, я слышу его дыхание по трубам. В следующем году его отремонтируют или не отремонтируют — это зависит от бюджета, который не я устанавливаю. У меня нет бюджета. У меня есть снег.

— У вас есть список, — сказал Аркадий.

— У меня есть список, — согласилась Зима. — И снег. И время. И телефон, как выяснилось. У меня, в общем, всё есть, кроме одного.

— Чего?

— Никто не спрашивает меня, как я, — сказала Зима. — Четыре месяца подряд. Ни один. Ни один человек, ни один город, ни одна страна. Все спрашивают «когда вы уйдёте» или «почему вы такая». Никто не спрашивает «как вы».

— Как вы? — спросил Аркадий, потому что другого вопроса в этой ситуации просто не было.

Зима задумалась. Долго. Столько, сколько нужно, чтобы за окном выпало три сантиметра снега, если бы она думала по-настоящему.

— Спокойно, — сказала она наконец. — Давно не было так спокойно. У меня в этом году мало работы, вы это знаете? Мало. Метеорологи говорят «аномально тёплая», а я говорю «мало работы». Это одно и то же, но от первого открещиваются, а во второе верят. Я работаю меньше, чем могу. Я могу — вы не представляете, что я могу, когда захочу. Я могу заморозить Волгу до дна. Я могу закрыть трассу на три неде-

ли. Я могу усыпить город под снегом так, что он проснётся весной и удивится, что выжил. Но мне не дают. Мне говорят «экономия», «климат», «нормативы». Меня урезают, Полозов. Меня урезают, как будто я не хозяйка, а статья расходов.

— Сочувствую, — сказал Аркадий, и это было искренне. Странная вещь: искренность в этом мире стоила дешевле, чем вежливость, и потому была роскошью.

— Не сочувствуйте, — сказала Зима. — Сочувствие — это когда понимаешь, а не можешь помочь. А вы можете. Вы можете сделать одну вещь.

— Какую?

— Говорить со мной, — сказала Зима. — Как с человеком. Не «боже, какой холод», не «когда уже весна». Как с человеком. Меня четыре тысячи лет никто так не разговаривал. Четыре тысячи лет — а мне, если честно, было страшно.

— Сколько вам лет? — спросил Аркадий.

— Вопрос некорректный, — сказала Зима. — Я не в годах. Я в циклах. Мой цикл — год. Внутри цикла у меня четыре месяца, как у всех приличных людей, — четыре месяца, в которые я работаю. Остальное время я отпускаю. Отпуск у меня, между прочим, без сохранения содержания, потому что сохранять нечего: я вся — содержание.

— Вы хотите сказать, что вы — зима.

— Я не хочу этого сказать, — сказала Зима спокойно. — Я это говорю с первого звонка. Просто вы до сих пор не поверили, потому что это неудобно. А неудобное люди не ве-

рят. Неудобное люди откладывают на завтра. А завтра будет минус двадцать два, Полозов. Приходите не в той обуви, я посмотрю, как вы меня после этого не верите.

Глава 3. Договор

За чаем разговор пошёл в том русле, в котором идут разговоры между людьми, у которых одни собирается убить другого, но пока не решилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.